

## ЛИТЕРАТУРА

1. В 2018 году четверть многодетных белорусов живет на грани нищеты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://banki24.by/news/2682-v-2018-godu-chetvert>. – Дата доступа: 07.02.2019.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/>. – Дата доступа 06.02.2018.
3. Число вторых и последующих детей выросло в Беларуси с 2015 года почти на 23% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/naselenie-belarusi-sokratilos-za-yanvar-noyabr-2018-goda-na-15-tys.html>. – Дата доступа: 07.02.2019.

УДК 101.1:316

## ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА

Павочка С. Г.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

Русская революция в социологическом аспекте означала для евразийцев, прежде всего, ротацию элит, смену ведущего «правлящего слоя» как основы государства. В силу этого прогнозируемые очертания обновленного политического устройства связывались с принадлежностью властвующим элит к «ведущему отбору» с его критериями исповедания, служения идее. Данная форма правления была обозначена как «идеократическая». На первый план в ней выдвигается приобретающая основополагающее значение общность мировоззрения «правлящего слоя». Революция с этих позиций ознаменовала крах старого «ведущего отбора», вынесла на поверхность жизни новый, внеся также существенные изменения в сами принципы отбора. Если в европейских революциях эти корректировки имели в основном негативные последствия, выраженные в замене аристократического принципа отбора плутократическим, то коммунистическое обустройство социальной жизни, при котором отрицается самостоятельное существование идей, реализовало искаженную версию идеократии, подменив «идею-правительницу» предопределившей радикализм действий утопической идеей. Постепенное изживание первоначальной революционной стихии, по мысли евразийцев, возможно на путях нового идейного обоснования деятельности, призванной объединить людей, согласовать их интересы и обеспечить устойчивость общества. Коммунизм – это первая, обнажившая утопическую стихию фаза революции. Следующий за ней этап должен опираться на выработку стабилизирующей обще-

ственную жизнь идеи с ее последующим воплощением в жизнь. Именно с ней евразийцы связывали собственные перспективы, поскольку смена данных этапов в их сознании означала замену коммунизма евразийской идеей.

Стоит отметить, что утопизм большевизма не оценивался в восприятии евразийцев как бесплодный, однозначно тупиковый путь развития. Напротив, они указывали на его закономерность, конструктивный момент содействия выходу на поверхность сознания явлений и фактов действительности, ранее не осознававшихся во всей их полноте и значимости. Евразийцы дали в контексте решения возникших задач их интерпретацию, определив в ее горизонте поле приложения собственных интеллектуальных усилий и ориентации действия. Смысл революционной бури наиболее зримо раскрывается на ее последней, завершающей стадии, когда за временным интервалом симбиоза революционной утопии и традиции под воздействием последней исчезает утопическое содержание вызвавших к жизни революцию идей, отбрасываются по причине изжитости абстрактные лозунги интернационализма и утверждается подлинное бытие особого географического и культурно-исторического мира России-Евразии. К нему неприменимы также европейские демократические формы правления. Выработанные в Европе и адекватные ей, они неприменимы к России, поскольку не согласуются с развитой системой этатизма и «планового хозяйства» как жизненной реальностью евразийского материка, единство и стабильность которого весьма проблематичны вне определенных «констант», прочных несущих оснований. Такие «константы» для евразийцев заключены в организации образуемого на идеократических началах правящего слоя – «государственного актива», располагающего известной суммой конституционных прав и осуществляющего сотрудничество с системой представительных учреждений. Результатом их совместных усилий является «демотический» строй, основанный на учитывающей и претворяющей в жизнь настроения и интересы народных масс властной организации «государственного актива». России необходима и новая идеология и новая партия как носительница этой идеологии, сменяющей идеологию коммунизма. Государственная стихия России заставляет, утверждали евразийцы, действовать большевиков вопреки собственной идеологии и разочаровывает их там, где они поступают в согласии с ней. Мысля новую партию как преемницу большевиков, евразийцы придавали понятию партии смысл, резко отличный от понятия политической партии в Европе. Новая партия евразийцев монополистична, она не делится властью с другими партиями, изначально исключая их существование. Она становится государственно-

идеологическим союзом, раскидывая сеть своей организации по всей стране, доходя до низов, но не совпадает с государственным аппаратом. Формально близкими к такой партийной организации евразийцы полагали итальянский фашизм и коммунизм. Такая партия сохраняет сложившиеся в России формы демократии (система Советов с много-степенностью выборов) как более приемлемые, нежели западный вариант демократии как господство профессионалов-политиков и много-партийность. Революция привела к возникновению федеративной формы государства, и она принимается евразийцами, поскольку наиболее полно выражает сущность их идеи, учитывая «многочленность» евразийско-русской культуры. Условие народности (демотичности) государственного строя опосредуется евразийцами органической связью между массой народа и вырастающим из него правящим слоем, пребывающем в ситуации перманентной взаимной коммуникации с ним. Правящий слой, создавая правительство и формулируя народное мирозерцание, выражает и осуществляет волю народа. В действительности он раскрывает свою идеологию, проводит свою волю, которые лишь при нормальных условиях в целом и общем являются индивидуализацией и конкретизацией народного сознания. Правящий слой в идеале призван сознательно осуществлять бессознательную волю целого, которая к тому же лишь частично может быть артикулирована в рациональных формулах и локализована в рационалистически сконструированных формах политического бытия. Последнее может определять и тот факт, что при определенных обстоятельствах ненародной может являться и совершенная теоретически республика, также как, с другой стороны, народной, или демотической, может являться и абсолютная монархия, к примеру, русское царство как наилучшая, согласно авторам «Опыта», форма государственного единства Евразии. Разрыв органической связи народа и правящего слоя всегда катастрофичен в своих последствиях, чреват революционными потрясениями. Принимая демократию по сути, евразийцы не смешивали принцип демократии с ее конкретными историческими формами, полагая их относительными. Любая же форма всегда условна. Таким формам они предпочитали органические способы политической организации, к примеру, – парламентский строй в Англии, возникший на основе мирского местного самоуправления. Но и он не универсален, а конкретен. Продвижение парламентаризма в континентальную Европу привело к потрясениям, которые затормозили ее развитие. Всеобщее волеизъявление стало индивидуальным, симфоничность оказалась подмененной большинством голосов, а сфера народной воли была предельно сужена и фактически устранена.

Совершенный в 1917 г. выбор евразийцы не принимали как окончательный и соответствующий геополитическому и цивилизационному призванию России. Революция, покончив с ней как частью Европы, открыла перспективу России-Евразии как «особого культурно-исторического мира», но не реализовала ее в истинном и полном масштабе. Мыслители шли дальше, наметив конкретные шаги в этом направлении, включавшие, во-первых, утверждение духовной и материальной самодостаточности России-Евразии и, во-вторых, выстраивание на данной основе оптимальной стратегии ее взаимоотношений с Европой. Сближение с Европой, таким образом, считалось возможным, но только через обретение духовной и материальной независимости от нее. Сами же предпосылки независимости, самостоятельного развития заключены в своеобразии географической среды, собственной культурной традиции, близкой Востоку и оппозиционной Западу.

УДК 101.1:316

### **ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА**

**Павочка С. Г.**

УО «Гродненский государственный аграрный университет»  
г. Гродно, Республика Беларусь

Социально-экономическая платформа евразийства оказалась разработанной фрагментарно, однако ее теоретические посылы, составляя неотъемлемую часть евразийской социальной философии, продолжают сохранять известную актуальность и для современных социально-экономических реалий. Здесь прежде всего значимы исследования П. Н. Савицкого о личном начале в сфере хозяйственной деятельности («Хозяин и хозяйство», «Россия и мировой рынок»), а также работа Н. Н. Алексеева «Собственность и социализм», содержащая опыт обоснования социально-экономической программы евразийства.

Современная экономическая теория, согласно евразийцам, знает «предпринимателя», но не знает «хозяина в производстве», упущенным в ней оказалось главное действующее лицо хозяйства. Относиться «по-хозяйски» и «по-предпринимательски» – это не одно и то же. К тому же следует различать предпринимательство как особую хозяйственно-экономическую функцию и предпринимательство как определенную духовную сущность. «Хозяин» соотносится с последней. Ду-